

Экологический кризис и необходимость переустройства общества

1992, источник: [здесь](#).

Возможно, один из самых фундаментальных выводов, предлагаемых социальной экологией, исследующей истоки современных экологических и социальных проблем, — представление о том, что сама идея господства над природой коренится в господстве человека над человеком. Ключевой политической смысл, выводимый из этого базового положения, предполагает создание демократической альтернативы национальному государству и рыночной экономике. Здесь я представлю общий обзор этих вопросов, который может лечь в основу теоретической базы, необходимой для построения свободного и экологичного общества.

Во-первых, основной способ решения наших экологических проблем носит социальный характер. Иными словами, мы столкнулись с явной перспективой экологической катастрофы, о приближении которой предупреждают многие знающие люди и учреждения, потому что историческое господство человека над человеком распространилось за пределы общества на мир природы. До тех пор, пока господство как таковое не будет устранено из социальной жизни и заменено подлинно коммунитарным, эгалитарным и справедливым обществом, в нашем мире продолжают действовать мощные идеологические, технологические и системные силы, разрушающие окружающую среду и всю биосферу в целом. Следовательно, сегодня как никогда прежде мы должны быть сознательными и последовательно двигаться к устранению доминирования из общества и из повседневной жизни — из отношений между молодыми и пожилыми, между женщинами и мужчинами, в учебных заведениях и на рабочих местах — как и из нашего взаимодействия с миром природы. Позволив яду господства и восприимчивости к этому яду сохраниться, мы проигнорируем главный корень экологических и социальных проблем, а также их исток, который можно проследить до самого зарождения нашей цивилизации.

Во-вторых, говоря предметнее, современное рыночное общество, которое мы называем капитализмом, и его alter ego — «государственный социализм» — довели до крайней степени все исторические противоречия господства. Экономика, развивающаяся по формуле «расти или умри», неотвратимо приводит к разрушению природной основы сложных форм жизни, включая человечество. Ответственность за стоящие перед нами экологические вызовы сейчас принято возлагать или на рост населения, или на технологии, либо на то и

другое вместе. Однако мы не можем выделять эти явления в качестве «причин» тех проблем, глубинные корни которых на самом деле лежат в рыночной экономике. Чрезмерная сосредоточенность на этих мнимых «причинах» только вводит нас в заблуждение и отвлекает от решения важных социальных вопросов.

Если мы обратимся к американскому опыту, то увидим, что люди, которых разделяет со мной всего одно или два поколения, прорубили себе путь через необозримые леса Запада, истребили миллионы бизонов, распахали плодородные луга и опустошили огромную часть континента — и всё это, используя только топоры, простые плуги, конные повозки и примитивные ручные инструменты. Не потребовалась никакая техническая революция, чтобы привести в нынешнее деградировавшее состояние природу когда-то цветущего обширного региона, способного при рациональном подходе поддерживать существование не только человека, но и всего многообразия жизни. Не высокотехнологичные орудия прежних поколений американцев нанесли этой земле такой ущерб, а безумное стремление предпринимателей добиться успеха в ожесточённой рыночной борьбе, разрастись и поглотить богатства своих конкурентов, чтобы не быть, в свою очередь, поглощёнными ими. За время моей жизни миллионы мелких американских фермеров потеряли свои дома не только из-за стихийных бедствий, но и из-за деятельности крупных сельскохозяйственных корпораций, превративших многие местности в части обширной промышленной системы по выращиванию продуктов питания.

Мало того, что социум, основанный на бесконечном расточительном росте, опустошил целые регионы, даже весь континент, используя только простые технологии; возникший экологический кризис является системным — и дело вовсе не в ошибочном понимании, интеллектуальной невосприимчивости или отсутствии этических принципов. Социальная болезнь нашего времени коренится не только в господствующем мировоззрении. Она заложена прежде всего в самой структуре и законах функционирования системы, в выдвигаемых ею требованиях, которые ни один предприниматель или корпорация не могут игнорировать без риска быть уничтоженными: рост, больше роста и ещё больше роста. Обвиняя в экологическом кризисе технологии, мы, пусть и не преднамеренно, лишаем себя возможности увидеть ту созидательную роль, которую они могут играть в рациональном, экологичном обществе. В таком обществе разумное использование сложных технологий будет необходимо для возмещения огромного урона, уже нанесённого биосфере и в значительной степени неисправимого без творческого вмешательства человека.

Наряду с влиянием технологий в качестве возможной «причины» экологического кризиса обычно указывают рост населения. Но едва ли он представляет собой ту смертельную угрозу, в реальности которой нас хотят убедить некоторые современные последователи Мальтуса из экологических движений. Люди не размножаются подобно плодовым мушкам, которых так часто приводят в качестве примера стихийного роста численности. Человек сформирован не только природой, но и культурой. Если семья нормально обеспечена, образованные родители заводят меньше детей, чтобы улучшить качество их жизни. Образованная и осознавшая гендерное угнетение женщина больше не позволит низводить себя до роли репродуктивной фабрики. Напротив, она заявит о себе как о полноценном человеке со всеми правами на осмысленную и творческую жизнь. Интересно, что именно технологии сыграли решающую роль в освобождении женщин от рутинной домашней

работы, которая на протяжении веков препятствовала их культурному развитию и вынуждала служить мужчинам и их желанию иметь детей — предпочтительно сыновей, конечно. В любом случае, даже если по какой-то причине численность населения станет уменьшаться, крупные корпорации постараются найти способ заставить людей покупать всё больше и больше, чтобы обеспечить экономический рост. Если им не удастся заполучить достаточный для дальнейшего роста внутренний потребительский рынок, стратеги корпораций обратятся к международным рынкам или к самому прибыльному бизнесу — военному.

Наконец, отметим, что благонамеренные люди, считающие морализаторство в стиле нью-эйдж, психотерапевтические подходы или изменение своего образа жизни путём к разрешению современного экологического кризиса, обречены на трагическое разочарование. Не имеет значения, насколько зелёным стремится выглядеть наше общество или как много оно предаётся рассуждениям о необходимости экологического мировоззрения. То, чем общество буквально живёт и дышит, не может быть устранено без глубоких структурных перемен — без замены конкуренции кооперацией, а стремления к получению прибыли — отношениями, основанными на совместности и взаимном участии. В современной рыночной экономике корпорацию или предпринимателя, которые в своём производстве хотя бы в малой степени руководствуются экологическим подходом, быстро сожрут соперники, поскольку процесс конкурентного отбора вознаграждает самых подлых за счёт самых благородных. В конце концов, как говорится, «бизнес есть бизнес». И бизнес не оставляет места тем, кого сдерживают совесть или моральные сомнения, о чём свидетельствуют многочисленные скандалы в «деловых кругах». Стараться сделать эти «деловые круги» восприимчивыми к экологическим вопросам, не говоря уже о том, чтобы подталкивать их к полезным для окружающей среды действиям — всё равно что просить хищную акулу питаться травой или убеждать льва дружелюбно прилечь рядом с ягнёнком.

Дело в том, что нам противостоит абсолютно иррациональная социальная система, а не просто алчные индивиды, которых можно склонить к экологическим идеям при помощи моральных аргументов, психотерапии или даже под давлением общественности, недовольной результатами их деятельности. Не столько предприниматели контролируют систему жёсткой конкуренции и безграничного роста, сколько сама система контролирует их. Современный застой идеологии нью-эйдж в Соединённых Штатах свидетельствует о трагической неудаче попыток «улучшить» то общественное устройство, которое необходимо полностью заменить, если мы намерены преодолеть экологический кризис. Можно отдавать должное активистам, занятым ответственным потреблением, переработкой отходов, привлечением публичного внимания к проблемам и тем самым старающимся остановить деградацию окружающей среды. Каждый и каждая, несомненно, вносит свой вклад. Но для того, чтобы справиться с главными препятствиями, созданными нашим агрессивно антиэкологичным обществом, требуется нечто большее — организованное политическое движение с продуманной и рассчитанной на перспективу программой.

Да, каждый из нас должен изменить свой образ жизни настолько, насколько возможно, но крайне недальновидно полагать, что это единственная или первоочередная задача. Нам надо работать над полным переустройством общества, независимо от того, меняем ли мы свой образ жизни или участвуем в борьбе с отдельными проблемами — против загрязнения,

атомных электростанций, чрезмерного использования ископаемого топлива, разрушения почвы и так далее. Необходим последовательный анализ глубоко укоренившихся иерархических отношений и систем доминирования, а также классовых отношений и экономической эксплуатации, которые действуют разлагающе как на людей, так и на окружающую среду. Мы должны выйти за рамки того понимания, которого уже долгое время придерживаются марксисты, синдикалисты и даже многие либеральные экономисты, сводящие большинство социальных противоречий и проблем к классовому анализу. Классовая борьба и экономическая эксплуатация всё ещё существуют, и марксистский классовый анализ выявляет присущее современному общественному строю неравенство, с которым невозможно мириться.

Убеждение марксистов и либералов в том, что капитализм сыграл «революционную роль» в разрушении традиционных сообществ и что технические достижения, нацеленные на «завоевание» природы, являются условием свободы, сегодня выглядит абсолютно бессмысленным — ведь благодаря этим достижениям создаются самые опасные вооружения и средства слежки, которые когда-либо видел мир. Также марксисты 1930-х гг. не могли предвидеть, насколько успешно капитализм будет использовать технологические новшества для нейтрализации рабочего класса и уменьшения его численности по отношению к остальному населению.

Да, классовая борьба ещё существует, но ведётся всё ниже и ниже порога классовой войны. Рабочие, как я могу засвидетельствовать на собственном опыте литейщика и автомобилестроителя в «Дженерал моторс», не считают себя бездумными придатками машин, обитателями фабрик или же «орудиями истории», как могли бы выразиться марксисты. Они считают себя живыми людьми: отцами и матерями, сыновьями и дочерьми, личностями со своими мечтами и взглядами, членами разных сообществ, а не только профсоюзов. Живя в больших и малых городах, они в своих совершенно человеческих стремлениях выходят далеко за рамки «исторической роли» субъектов классовой борьбы. Рабочие страдают от загрязнения окружающей среды не меньше, чем от труда на фабриках, и также беспокоятся о благополучии своих детей, близких, соседей и сообществ, как и о трудоустройстве и размере заработной платы.

Традиционный социализм и синдикализм были слишком сосредоточены на экономических вопросах, что привело эти движения в последние годы к отставанию от насущной экологической повестки. Могу добавить, что точно так же они отстали по феминистской, культурной и урбанистической темам, каждая из которых зачастую пересекает классовые границы и привлекает к себе представителей среднего класса, интеллектуалов, мелких собственников и даже некоторых буржуа. Неспособность социализма и синдикализма противостоять иерархии — а не только классовому господству и экономической эксплуатации — отчуждает женщин до такой степени, что они приходят к осознанию многовековой реальности угнетения, независимого от их классового статуса. Проблемы, актуальные для всего общества, например, загрязнение окружающей среды, беспокоят людей как таковых, независимо от класса, к которому они принадлежат. Ведь катастрофы, наподобие аварии на Чернобыльской АЭС в Украине, вызывают панику у всех, подвергшихся действию радиации, а не только у рабочих и крестьян.

В самом деле, даже если бы мы достигли бесклассового общества, свободного от экономической эксплуатации, стало бы оно сразу и рациональным обществом? Станут ли тогда женщины, молодёжь, люди со слабым здоровьем, пожилые, цветные, различные угнетённые этнические группы — список на самом деле огромный — свободными от господства? Ответом будет категорическое «нет», что, конечно, могут подтвердить женщины, даже сами участвующие в социалистическом и синдикалистском движениях. Не устранив древние иерархические и властные структуры, из которых и возникли классы и государство, мы осуществили бы лишь часть изменений, необходимых для достижения рационального общества. В социалистическом или синдикалистском мире по-прежнему будет существовать этот исторический яд — иерархия, и он станет непрерывно подтачивать высокие идеалы подлинно свободного и экологичного общества.

Возможно, самой беспокоящей чертой многих современных радикальных групп, в том числе социалистов, согласившихся бы со всем ранее сказанным, является их вера в минимальное государство, которое будет координировать и администрировать бесклассовое и эгалитарное общество — и неиерархическое, разумеется! Это положение можно услышать от Андре Горца и многих других авторов, которые, видимо, из-за «сложности» современного общества не могут представить себе управление экономикой без какого-либо механизма принуждения, пусть и с «человеческим лицом».

Подобный утилитарный, а иногда и откровенно авторитарный взгляд на жизнь человека (о котором говорит в своих трудах Арне Несс, основоположник глубинной экологии) заставляет вспомнить собаку, гонящуюся за собственным хвостом. Только из того, что «хвост» (символизирующий экономическую «сложность» или рыночную систему распределения) имеется, ещё не следует, что метафорическая «собака» должна гоняться за ним по кругу, никуда не ведущему. «Хвост», о котором нам приходится беспокоиться, можно рационально упростить за счёт сокращения офисной бюрократии, устранения ненужной зависимости от импортных товаров, которые могут быть произведены путём вторичной переработки внутри страны, а также большего использования местных ресурсов, которые сейчас игнорируются из-за их «неконкурентоспособных» цен. Другими словами, избавившись от нагромождения инструментов, сопутствующих товарам и услугам, которые, может быть, и необходимы для получения прибыли и конкуренции на рынке, но совершенно не нужны для рационального распределения благ в кооперативном обществе. Прискорбная реальность состоит в том, что большинство оправданий для сохранения «минимального государства» в радикальной теории возникает из-за ограниченного видения экосоциалистов, готовых принять до той или иной степени существующую систему производства и обмена такой, как она есть, но не такой, какой она должна быть при моральной экономике. Воспринимаемые подобным образом, с бюрократическим аппаратом, иррациональным разделением труда и «глобальным» характером, производство и распределение предстают без надобности переусложнёнными. Требуются не глубокие познания и армии компьютеров, но лишь немного воображения, чтобы понять, как можно упростить современную «глобальную» систему производства и распределения, обеспечив при этом достойный уровень жизни для каждого. На восстановление Германии после Второй мировой войны понадобилось всего около пяти лет — разумным людям сегодня должно потребоваться намного меньше времени, чтобы устранить государственный и бюрократический аппарат из системы глобального распределения товаров и ресурсов.

Ещё большее беспокойство вызывает наивная вера в то, что «минимальное государство» действительно может оставаться «минимальным». Если история нас чему-то и научила, так это тому, что государство, не ограничиваясь ролью инструмента правящей элиты, становится самостоятельным организмом, растущим неумолимо, словно раковая опухоль. Анархизм предвидел и показал опасный изъян традиционной веры социалистов в государство — пролетарское, социал-демократическое или «минимальное». Создание государства означает конституирование власти в виде механизма, существующего отдельно от людей. Происходит профессионализация управления и политической деятельности, возникают особые группы интересов (будь то бюрократы, депутаты, комиссары, законодатели, военные, полиция — список бесконечен), и какими бы ни были слабыми и благонамеренными поначалу, рано или поздно они получают в свои руки развращающую власть. Случалось ли на протяжении истории, чтобы государство, пусть «минимальное», исчезло бы само по себе или ограничило своё бесконечное злокачественное разрастание? Чтобы оно когда-нибудь осталось «минимальным»?

Деградация немецких «Зелёных», которых называли «беспартийной партией», и которые после получения места в Бундестаге, превратились в банальную политическую машину, — впечатляющее свидетельство того, что власть развращает неотвратимо. Идеалисты, помогавшие основать организацию и намеревавшиеся использовать Бундестаг просто как площадку для высказывания радикальных идей, к настоящему моменту либо покинули её, полные отвращения, либо сами превратились в малопривлекательный пример беспринципного политического карьеризма. Нужно быть предельно наивными или просто закрывать глаза на уроки истории, чтобы игнорировать тот факт, что государство, «минимальное» или нет, поглощает и в конечном итоге переваривает даже своих самых последовательных критиков, как только они прикасаются к власти. Не этатисты упраздняют или ослабляют государство при помощи его самого — напротив, государство развращает даже самых идеалистических антиэтатистов, вздумавших заигрывать с ним.

Наконец, и это одна из его худших черт, этатизм, даже «минимальный», препятствует становлению конфедерализма. Крупнейшая неудача в истории традиционного социализма, марксистского и других направлений, связана с его возникновением в эпоху строительства национальных государств. Якобинская модель централизованного революционного государства была практически без критики принята социалистами XIX века и стала неотъемлемой частью революционной традиции, которая, могу добавить, поневоле унаследовала националистический компонент Французской революции, хорошо заметный в тексте «Марсельезы» или в преклонении перед *la patrie*. Мнение Маркса, что Французская революция является базовой моделью для выработки революционной стратегии (он ошибочно утверждал, что её якобинская форма была самой «классической» из «буржуазных» революций), самым роковым образом повлияло на революционную традицию. Ленин так полно усвоил это представление, что большевики прямо звались «якобинцами» российского социалистического движения, и, конечно же, Сталин использовал такие методы, как чистки, показательные процессы и открытое насилие, что привело к фатальным последствиям для всего социалистического проекта.

Представление о том, что человеческая свобода может быть достигнута, а тем более надолго утверждена с помощью государства любого вида — парадоксально до

бессмысленности. Оправдание необходимости этого злокачественного феномена, государства, и использование государственных методов управления (часто ошибочно именуемых «политикой», между тем как политика — это полисное самоуправление) исключают радикально иную форму общественного устройства, а именно конфедерализм. На протяжении столетий демократические формы конфедерализма, представленные муниципалитетами, координировавшимися между собой посредством выборных представителей, которых можно было отзывать и которые всегда находились под общественным контролем, конкурировали с государственными формами и составляли весомую альтернативу централизации, бюрократизации и профессионализации власти в руках элит. Нужно подчеркнуть, что конфедерализм не следует путать с федерализмом, являющимся просто продолжением устройства национального государства в виде системы соглашений, сохраняющей механизм принятия решений с очень незначительным гражданским участием или даже вообще без него. Федерация — это просто Государство с большой буквы, дальнейшая централизация уже централизованных государств, что можно видеть на примере федеративной республики Соединённых Штатов, Европейского сообщества и недавно образованного Содружества Независимых Государств — огромных континентальных сверхдержав, ещё более далёких, чем национальные государства, от какого-либо контроля со стороны своих народов.

Конфедералистская альтернатива может быть основана на сети принимающих решения народных ассамблей, делегирующих отзываемых депутатов в местные и региональные конфедеративные советы, функции которых, подчеркнём, ограничены разрешением споров и выполнением сугубо административных задач. Едва ли получится осуществить данный проект, используя какое бы то ни было государственное образование, даже минимальное. Жонглирование этатистской и конфедералистской перспективами, словесная игра в различие «минимального» и «максимального» могут только поколебать основы новой политики, построенной на демократии участия. «Зелёные» в Соединённых Штатах проводили абсурдную политику, с одной стороны, призывая к «децентрализации» и «низовой демократии», а с другой — выдвигая кандидатов на должности в правительствах штатов и на федеральном уровне, то есть в государственные органы, одна из основных функций которых заключается в ограничении, сдерживании и существенном подавлении местных демократических институтов и инициатив. Как я подчёркивал в других книгах и статьях, когда либертариизма всех видов, но особенно анархисты и экосоциалисты, участвуют в конфедеративной муниципалистской политике и выдвигаются на муниципальные общественные должности, они не просто стремятся наладить управление городами, посёлками и деревнями на основе полностью демократических конфедеративных сетей; они идут против государства и парламентской системы. Так что призывать к «минимальному государству», даже в качестве координирующего института, как это делали Андре Горц и другие, значит противодействовать попыткам заменить национальное государство конфедерацией муниципалитетов.

Заслуга раннего анархизма, а в последнее время и экоанархизма, лежащего в основе социальной экологии, в том, что он решительно отвергает традиционную социалистическую ориентацию на государственную власть и понимает разлагающую роль участия в парламентских выборах. Прискорбно, что этому отвержению, столь хорошо обоснованному коррумпирующим опытом социалистов-государственников, «зелёных» и других мнимых

радикалов, не достаёт тонкости для того, чтобы выделять деятельность на муниципальном уровне (которую даже Михаил Бакунин признавал допустимой) в качестве основы политики в древнегреческом смысле. Необходимо различать выборы на местном уровне и выборы на провинциальном и национальном уровнях, которые и представляют собой государственное управление.

Социальная экология, несмотря на различные свои достоинства и недостатки, даёт нам последовательную интерпретацию масштабных экологических и социальных проблем, с которыми мы сталкиваемся сегодня. Её философия, социальная теория и политическая практика создают живую альтернативу идеологической стагнации и трагическому провалу социалистических, синдикалистских и радикальных проектов, которые были очень популярны совсем недавно, в 1960-е гг. Касаясь же «альтернатив», которые предлагает нам нью-эйдж, или мистических экологических решений — что может быть более наивным, чем вера в то, что общество, сам метаболизм которого основан на росте, производстве ради производства, иерархии, классах, господстве и эксплуатации, может быть изменено просто при помощи увещеваний, индивидуальных действий или примитивизма, который по сути рассматривает технологии как проклятие и видит главные проблемы в демографическом росте и личных особенностях потребления? Мы должны добраться до сути кризиса и выработать востребованную политику, уклоняющуюся от крайностей этатизма с одной стороны и индивидуализма нью-эйджа — с другой. Если же эта цель будет сочтена утопической, мне придётся поставить под сомнение то, что многие радикалы сегодня называют «реализмом».

Январь 1992

Версия #1

Зверобой создал 17 сентября 2025 16:05:46

Зверобой обновил 17 сентября 2025 16:07:36